

Надо было отрѣшиться отъ старой манеры превращать исторію литературы въ исторію культуры русской и даже общеевропейской и предоставить говорить объ эмпиризмѣ, бэкоповской теоріи индукціи, деизмѣ и другихъ матеріяхъ важныхъ авторамъ учебниковъ по всеобщей исторіи; русскому исторіку (если не юристу) слѣдовало предоставить разсуждать объ иностранныхъ источникахъ „Наказа“ и о томъ, какія именно его статьи о чемъ говорятъ (см. у Шалыгина стр. 75—82). Затѣмъ, иногда вызываетъ возраженіе неравномѣрность въ свѣдѣніяхъ о писателяхъ и литературныхъ явленіяхъ и ихъ неправильное размѣщеніе. Глава одиннадцатая называется: „Комедія XVIII вѣка“, но въ ней характеризуются только теоретическіе взгляды Лужина да комедія Екатерины II: „О, время!“. Неожиданно встрѣчаемъ свѣдѣнія о комической оперѣ въ XIII главѣ, съ очень неопредѣленнымъ названіемъ: „Признаки новой эпохи“, причемъ такими „признаками“ почему-то сочтены только историческія драмы императрицы Екатерины II, комическія оперы, „Душенька“ Богдановича, „интересъ къ народности“ и „итоги романа“. Г. Шалыгинъ отказывается превращать учебникъ въ сборникъ критическихъ статей, и совершенно правъ въ этомъ. И все-таки его изложеніе недостаточно строго и жгато и порою сбивается на отрывочную, непринужденную бесѣду о писателѣ или произведеніи. Недостаточно точенъ и ясенъ и языкъ книги. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „одно изъ наиболѣе личныхъ произведеній Державина“; „разстояніе между лучшими и худшими мѣстами въ стихахъ Державина было громадно“; „отчужденіе образованнаго круга въ карамзинскомъ духѣ отъ народа“; „его послѣдующія начала работъ“; жизнь Грибоѣдова въ Петербургѣ „окончилась дуэлью со смертельнымъ исходомъ, въ которой онъ былъ секундантомъ“; Грибоѣдовъ же „былъ сознательно на первомъ планѣ сатирикъ“. Такихъ шероховатостей и неряшествъ очень много.

Если учебникъ страдаетъ нѣкоторыми излпшествами, то, наоборотъ, хрестоматія слишкомъ скупа. Въ ней дано только то, что непосредственно примыкаетъ къ параграфамъ учебника. Но вѣдь ученикъ могъ бы прочесть кое-что и самостоятельно; съ другой стороны, и для преподавателя насильственно суживается выборъ матеріала для класснаго изученія. Есть въ хрестоматіи и еще промахи: ни одно произведеніе въ ней не датировано. Нѣтъ нужды заставлять учениковъ зазубривать даты рѣшительно всѣхъ изучаемыхъ памятниковъ, но многое слѣдуетъ запомнить, и этому должна помогать и хрестоматія.

Однако, за вычетомъ этихъ недостатковъ книга г. Шалыгина можетъ быть рекомендована преподавателямъ словесности, какъ добросовѣстный, полезный трудъ.

Н. Пиксановъ.

А. М. Хирьяковъ. Очерки истории русской литературы. Съ портретами. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М., 1913 г. Стр. 223. Ц. 50 к.

Н. М. Мендельсонъ. Очерки по истории русской литературы. Съ портретами въ текстѣ. Изданіе второе, исправленное. Книгоиздательство „Польза“ В. Антикъ и К^о. Москва, 1913 г. Стр. 251. Ц. 1 р. 25 к.

Научная исторіографія русской художественной литературы быстро возрастаетъ; интересы средней школы и читателей, ищущихъ серьезнаго самообразовательнаго чтенія, также обслуживаются недурно; но

чѣмъ ниже спускаемся мы къ народной школѣ и читателямъ ея уровня, тѣмъ быстрее скудѣетъ запасъ соотвѣствующихъ изданій. Отчасти это естественно и понятно: исторія литературы не поддается крайней популяризаціи. Но въ нѣкоторой мѣрѣ отвѣтственны здѣсь и дѣятели народнаго просвѣщенія; слѣдовало бы приложить въ этой области больше энергіи и труда. Правда, мы имѣемъ здѣсь нѣсколько попытокъ; таковы, наприм., широко извѣстная книжка В. П. Острогорскаго: „Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей“, „Исторія русской литературы для школъ и народа“ Вл. Н. Ладыженскаго, „Русскіе писатели со временъ Петра Великаго и до нашихъ дней“ А. М. Скабичевскаго. Но этихъ книжекъ, конечно, недостаточно. Навстрѣчу народному читателю выступаютъ теперь А. М. Хирьяковъ и Н. М. Мендельсонъ. Обѣ книжки изданы очень опрятно и снабжены отчетливыми рисунками. Оба автора одинаково добросовѣстно отнеслись къ своей задачѣ; они старались излагать свой предметъ возможно проще и доступнѣе и не допустили крупныхъ фактическихъ погрѣшностей. Что касается объема содержанія, то слѣдуетъ отмѣтить, что г. Хирьяковъ удѣлилъ гораздо больше вниманія устной словесности, зато исторія литературы кончается Пушкинымъ; у г. Мендельсона, наоборотъ, устная и старая словесность изложены очень бѣгло, зато обзоръ писателей доведенъ до Чехова и Максима Горькаго. Хотѣлось бы пожелать обѣмъ книжкамъ доступа къ народному, т.-е. сельскому, читателю; но слѣдуетъ сказать, что написаны онѣ всетаки слишкомъ трудно—обычнымъ нашимъ литературно-интеллигентскимъ языкомъ, съ излишествомъ иностранныхъ и мудреныхъ словечекъ, съ ссылками на такіе факты и явленія, которые завѣдомо неизвѣстны читателю, и т. д. Книжка для народа должна быть написана иначе. Но „Очерки“ г. Мендельсона выходятъ вторымъ изданіемъ, значитъ, нашли своего читателя. Думается, таковымъ является читатель городской и фабричный, съ образовательнымъ уровнемъ, примѣрно, городского училища; нуждамъ такого же читателя отвѣтитъ и книжка г. Хирьякова.

Н. Пиксановъ.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Проф. Е. О. Будде. Русский языкъ.—К. М. Т. О доисторическомъ языкѣ Закавказья.

Проф. Е. О. Будде. Русский языкъ. Изд. кн. маг. Маркелова и Шаронса, 2-е. Казань, 1914 г. Стр. 183+III. Ц. 2 р.

Это—курсъ, читанный извѣстнымъ казанскимъ профессоромъ Е. О. Будде въ 1911—12 учебномъ году на педагогическихъ курсахъ. Вышедшее въ мартъ 1913 г. первое изданіе (въ количествѣ только 250 экз.) быстро разошлось, такъ что къ осени потребовалось второе, которое и вышло безъ всякихъ измѣненій. Курсъ рассчитанъ на людей, получившихъ уже нѣкоторую специальную подготовку. Главная цѣль книги—помочь „преподавателю-практику освѣтить лингвистическій матеріалъ, введенный въ программу средняго образованія, свѣтомъ научнаго языкознанія и тѣмъ содѣйствовать осмысленію и упорядоченію нашей рутинной школьной „грамматики“ отечественнаго языка и сближенію средней и низшей школы съ университетскою наукою о языкѣ“